

Лили проснулась в пещере, которая светилась живым бледно-голубым светом, купая ее потрепанное тело в тусклой дымке. Боль наполняла ее конечности, и каждый угол ее тела болел, но она все еще жива. Эта мысль была для нее самым большим шоком, больше того, где она находилась. Это было своеобразное чувство в ее осажденном сознании - она хотела боль, потому что это напоминало ей, что она все еще жива. Это совсем не то, чего она должна хотеть. Она напредила себе с какой-то горькой иронией, что девушке ее возраста должен быть нужен мужчина, как любовник.

Дикий комфорт боли был не таким, как поцелуй любовника, скорее, как от любовника, бьющего по голове, как барабан, - горько заметила она. Возможно, следовало ожидать, что она влюбится. В конце концов, она все еще была молодой девушкой. Она должна быть очарована любовью, и почему бы не принять боль для любовника? Она должна любить ее безоговорочно, чтобы она оставалась рядом с ней так долго. Ее мысли были бредом, который омрачал ее чувства и мысли. Небольшой смешок выскользнул из ее губ, когда она впала в истерику. Тем не менее, это простое движение заставило любовника вернуться, чтобы погладить ее тело, хотя его прикосновение было нежным.

«Я действительно сошла с ума», - прошептала она, тонкая улыбка растянула ее губы. Этих слов было достаточно, чтобы послать удары сладкой агонии через ее грудь.

Ее сердце колотилось в ее грудной клетке, каждый кропотливый ритм заставлял ее череп пульсировать в скучной агонии. Ее пальцы онемели, царапая грубый камень. Слишком слабая, чтобы двигаться, она остановилась, чтобы отдышаться даже после такого движения. Голова чувствовалась так, будто ее раскололи молотком, и она медленно повернулась, чтобы осмотреть свое окружение в оцепенении.

Пещера - нет, больше пещеры - была намного больше, чем многие из домов в Дамбе Крысы, простирающаяся настолько, что казалось, она охватывала все небо. Она была высечена в сером камне, с толстыми колоннами, простирающимися к крыше и грубыми выступами для лестниц, так как пустота опустилась ниже в землю. Потолок вытянулся высоко над ее головой и постепенно наклонился в оборванную арку. Резьба была грубой, оставляя выемки и шрамы в скале, где фрагменты были обломаны и придавали стенам выровненный вид. Царапины покрывали скалу, по-видимому, от когтей животного, выстроились с резкими краями в камне в качестве доказательства того, что пещера была вырезана грубой силой.

Лили не могла не дрожать, думая о звере, достаточно сильном, чтобы разрушить камень с такой легкостью.

Тонкие блестящие следы воды стекали по камню и сливались в землю, капая в нерегулярном ритме. В трещинах стены висели пятна тонкого синего мха, пронизывающего слабый болезненный свет во всей пещере. Казалось, он процветает в холодном, влажном воздухе, с тонкими волосами, изгибающимися с малейшим ветром. Его свет был завораживающим, бросая бесчисленные слабые тени на темный камень.

Она проснулась на спине, руки лежали на боку, тупая боль ныла в ее уставших членах. Она изо всех сил пыталась сесть, неловко ставя руки, чтобы поднять себя. Это было ошибкой - болт расплавленного свинца вонзился в ее спину, мгновенно лишая зрения, и она почти потеряла сознание от боли. Сердце ее безумно гоняло, боль в спине заставляла ее мускулы неудержимо сжиматься. Она боролась за то, чтобы дышать, пока ждала, что спазмы уменьшатся, медленно позволяя ей изогнуть спину, когда ее тело успокоилось. В момент головокружения она не

могла не задаться вопросом, действительно ли она приняла боль для любовника, и это было всего лишь его страстное объятие.

«Больше не надо, - неуверенно прошептала Лили, пытаюсь успокоить истерику, - или я больше не буду девушкой. И сначала вам нужно попросить мою руку». Она хихикнула от своей маленькой шутки, прежде чем устроиться, ее голова висела на ее шее, когда пот капал с ее подбородка.

Не в силах двигаться, она могла только прижать свою шею, чтобы осмотреться вокруг себя. Глядя вниз, она увидела сухую зеленую корочку, покрывающую ее живот. Первое, что поразило ее, было замешательство, сопровождаемое кратким приступом тошноты, когда она была полна внезапного желания убрать это с себя. Когда она осторожно коснулась ее кончиком пальца, мелкие, порошкообразные хлопья отвалились, рухнув в пыль, прикоснувшись к земле. Не зная, что это было, она старалась очистить странную штукатурку. Она крепко пристала к ее коже, но медленно она сумела ослабить ее по краям, пока не смогла наконец снять твердую оболочку.

Под ней она была потрясена, увидев массивный розовый шрам вместо ее раны. Больше не было мяса, обугленного от огня и кровотечения из яда. Вместо этого, он был здоровым и чистым, с пятнистой новой кожей, растущей уже на краях прежней раны. Даже яд, казалось, был вымыт из нее, зловоние гниения исчезло. Когда она осторожно коснулась ее живота, она вздрогнула от того, насколько она чувствительна. Тем не менее, немного боли было нечего жаловаться на смерть, и она никогда не могла жаловаться. Украсть, отравить или убить, конечно, но никогда не жаловаться.

Это было бы грубо.

Она не знала, кто ее спас, или где она, и это было опасно. Она не знала, где она, но она знала, что не может оставаться здесь. Куда бы она ни поехала, где бы она ни осталась, везде были свои условия, если она хотела жить. Это то, чему она научилась в Крысиной Дамбе: не доверяйте никому, кроме себя. Она была невинной принцессой, ждущей ее сладкого принца. Если она когда-нибудь встретит принца, она, скорее всего, возьмет его золото и оплатит ему ножом в горло, прежде чем ускакать на его лошади.

Тем не менее, она не могла уйти никуда в своем нынешнем состоянии. Боль, которую она чувствовала ранее, достаточно доказала, что она еще не исцелилась. С небольшим количеством времени единственным вариантом было использование магии. Но заклинания нуждались в топливе для горения, чаще всего в магии в собственном теле; без достаточного количества была бы реакция, достаточно сильная, чтобы убить ее.

Магия исходила из жизни; она родилась из этого. Любой нормальный человек сформировал бы трясину маджи, чистой магии, рожденную от распада его души. Она собиралась за желудком, ожидая, что ее закроют заклинанием. Лили не было нормальным человеком.

Она была калекой, неспособной создать никакую собственную маджи.

В этой пещере, будучи неспособной двигаться, у нее не было возможности найти ее сумку или волшебные кристаллы. Лишенная одного топлива, она должна была бы использовать другое. Ей придется использовать вахма-дух.

Сделать это значило сжечь собственную личность самого себя и воспоминания о прошлом - она ненавидела это. Это может легко убить ее, если она не будет осторожна, и в лучшем случае она будет необратимо повреждена, но другого выбора не было.

Оказавшись на ее спине, прижав руки к груди, она закрыла глаза и начала петь, входя в себя, чтобы связать духи, которые текли по ее телу. Это было деликатное дело, столь же сложное, как те танцы, которые богатые делали в своих бальных залах. Так же, как у двух партнеров был строгий ритм, для следования, и даже более строгий баланс поиска глаз и блуждающих рук, у этого тоже был баланс. Если она возьмет больше, то это ее убьет, если меньше – потерпит неудачу. К сожалению, для этой молодой девушки наказание здесь было хуже, чем несколько свистков и суровые взгляды родителей. Вместо этого она была бы украшена внутренним кровотоком, сокрушением духа и смертью.

Это было бы почти так же плохо, как и танцы.

Тщательно повторяя магию, она вытащила изнутри тонкую веревку духа. Ослепительно белая, эфирная и божественная, это была она: ее дух, ее сущность. Он пульсировал, светился и вращался с силой и жизнью. Он был жив.

Его сила и мощь проносились по ее разуму, когда она пела, наполняя ее, пока она не приблизилась к краю безумия. У нее была власть сжечь нацию, и она хотела ее использовать. Она хотела ее использовать.

Она хотела взломать землю; она хотела плевать пламенем с небес. Это было безумие, пьяный бред, который схватил ее и угрожал задушить ее здравомыслие. У нее была власть. Она хотела ее использовать.

Она боролась с желанием побаловать себя, боролась с желанием прыгнуть с края. Безумие не исчезло, но его вопль стал шепотом. Не останавливаясь, она успокоилась.

Теперь пришла трудная часть.

Лили формировала вахму, формировала свой собственный дух, пока не намотала его как веревку. Она скручивалась и извивалась внутри нее, когда она направляла ее к ее пупку, и ее тепло собиралось в животе. Это было так же сильно, как маджи, если не больше. Поскольку это было связано с ее раной, палящая боль горела в ней. Они были расплавленными ножами, пылающими пламенем, которые делали ее плоть более жаркой, чем солнце. Не желая и не имея возможности остановиться, она успокоила свою решимость и продолжала шептать, направляя больше своего духа, чтобы исцелить рану. Все больше и больше белых лент погрузилось в ее плоть, связываясь внутри нее. Удивительно, но даже без ее вмешательства рана уже начала заживать, что, вероятно, связано с той коркой, которая накрыла ее живот. Все, что ей нужно, это закончить процесс. Ее плоть чесалась и сгорала, когда ее дух сжимал мышцу внизу, связывая волокна и сухожилия, заживляя поврежденные органы. Жар уменьшался, пока не стал мягким теплом, тихим пульсированием. Когда она наконец почувствовала, что тусклое пульсирование боли исчезло, она медленно прекратила свое пение. Ее дух расшатывался и распутывался, погружаясь обратно в ее кожу, прежде чем рассеяться в ее плоть.

Сегодня она выживет.

Цена была слишком велика.

Теперь была ее пустота, путаница и бред, который пришел с наступлением безумия. Она вкусила силу, пробовала намек на силу внутри себя. Это было ужасно. Это было невероятно. У нее была власть. Она хотела ее использовать.

Даже когда у нее была такая мысль, в ее голову просочились белые горячие изображения. Она

видела себя девочкой. Она увидела свою сестру. Она увидела семью, прошлое и тысячу воспоминаний. Все они были блестяще белыми, сильными. И когда она смотрела, перед ее глазами некоторые начали рушиться.

Белый тускнел, слегка пульсировал, прежде чем слипнуться, как свеча в буре. Не было ни дыма, ни пепла, ни того, чтобы указать, что он когда-то был там. Он стал рушащимся черным и, в конце концов, взорвался в ничто. И когда ее прошлое и будущее потухли, Лили не могла не плакать.

И в конце концов, когда заклинание взяло свою часть соглашения, когда вахма, которую она использовала, исчезла, она не могла даже сказать, что она потеряла. Она не могла вспомнить, что означали слезы на ее лице. Она только знала из пустоты в груди, что цена была слишком велика.

И она испытала силу.

Она хотела ее использовать.

Она отбросила безумие в угол ее разума, но оно было там сейчас и навсегда. Она испытала силу. Цена была слишком велика. Невольно поднявшись на ноги, Лили заметила ее сумку и другие предметы, лежащие у стены в углу пещеры. Она схватила свои ножи и привязала их к себе, прежде чем исследовать пещеру.

Это было простое жилище, с главной комнатой, которую явно использовали, и маленькой щелью позади, где хранилась еда. Сухое мясо, достаточное для того, чтобы питаться месяцами, выравнило стены костями, которые застряли между трещинами, заполненными грязью. Пол был выветрен, со следами когтей по пути через пещеру. Камень был темно-серого цвета, сквозь него пробивались щелевые трещины, словно он был вырыт когтями, а не киркой. Даже застойный воздух был наполнен сырым, мускусным ароматом. Каждая часть пещеры была похожа на логово животного, и она чувствовала, что ее волосы встают дыбом, когда ее мышцы напрягаются. Любое существо, достаточно сильное, чтобы вырезать камень без усилий, несомненно, найдет ее плоть и кость гораздо более удобными.

Оставив сырой подвал, Лили оглядела пещеру на предмет выхода, прежде чем найти щель в камне. Прижав плечо к скале, она толкнула и почувствовала, что камень немного двинулся, но не смог отодвинуться дальше. Оставив свою сумку и кинжалы, она прижалась так сильно, как могла, чувствуя, как камень двигается дюйм за дюймом по земле, пока она не была вынуждена остановиться, задыхаясь. Ее руки и ноги устали, так как не привыкли к напряжению, в то время как валун продвинулся только на половину длины руки. Судя по усилиям, необходимым для того, чтобы переместить его настолько, ей пришлось бы разбить его с помощью магии, если она захочет убежать.

Ища сумку, она почувствовала, что у нее в груди появилось ощущение тонущего сна, когда она обнаружила, что у нее осталось только два кристалла. Она знала человека в Телавире, но чтобы добраться туда, где бы она ни была, понадобится неделя. Ей понадобилось бы волшебство, чтобы выжить в Далеких Землях; использовать их сейчас бесполезно, ибо это значит побежать в распростертые объятия смерти. Теперь она не могла позволить себе использовать эти кристаллы, и она сопротивлялась вездесущему стремлению сжечь больше ее вахмы. Вместо этого она решила сохранить себя в живых и спрятаться в пещере, пока зверь не придет домой.

В конце концов, это был более логичный вариант. Она предпочла встретиться с

потенциальными убийцами на ее собственных условиях. По крайней мере, у нее был нож в руках и хороший взгляд на то, что собирается разорвать ее пополам.

«Разве ты не гений», - пробормотала она, обыскивая камень, чтобы где-то спрятаться. «Что-то здесь было достаточно сильным, чтобы взломать склоны холма, и ты хочешь стать его ужином».

Найдя щель позади скалы, она спряталась у стены с кинжалами в руке, один глаз фиксировался на импровизированной двери, а другой осмотрел комнату, чтобы запланировать возможный побег. По расписанию в сумке она могла сказать, что сейчас был почти закат, даже без взгляда на небо; ее спаситель или захватчик, в зависимости от того, что это было, должен был скоро вернуться до наступления темноты. Даже самый маленький ребенок знал, что творилось в Далеких Землях ночью.

Только смерть ждала глупца, спускающегося в темноту со своим лезвием. Сама она была слишком знакома с прикосновением смерти - она ждала ее каждую ночь в Дамбе Крысы.

«Возможно, мне следовало пойти на исповедь», - хрипло проговорила она, когда к ней пришла мысль. Стены из камня были плохими собеседниками, поэтому она говорила с собой, чтобы избежать безумия. «Наверное, грех взять смерть и боль в любовники, но я не могу ничего поделаться, если они оба настолько привлекательны». Она слегка рассмеялась, когда в ее голове мелькнула внезапная сцена. Кровь на кирпиче и крики боли. Голос девушки говорит ей бежать.

«Дорогая сестра не дождалась меня, прежде чем взять руку смерти», - нахмурилась Лили, выдохнув. Ее широкие глаза сверкнули безумием, когда она была поражена внезапной мыслью. «Если я присоединюсь к ней смертью, мы сможем встретиться снова? Разве мы были бы больше, чем просто сестры?» Тонкая улыбка появилась на ее губах, когда она подумала дикую мысль. Почти без ведома, на кончиках ее пальцев начали танцевать тонкие золотые шарики. Она испытала силу.

Дикие фантазии девушки были прерваны шагами, когти скребли по земле. Ее мышцы напряглись в ожидании, когда она почувствовала, как ее пальцы сжались вокруг рукоятки ее клинка. Скорее всего, ей придется бежать, но, если нужно, она тоже готовилась к битве. Она ждала, не зная, чего ожидать.

Приглушенный стук сотрясал землю снаружи, как будто тело ударилось о землю. Глубокое ворчание, казалось, было болью или разочарованием, и внезапно ужасный кричащий звук угрожал вырвать кровь из ушей, когда камень мгновенно раскололся. Куски разбитого камня осыпали внутреннюю часть пещеры, и она инстинктивно подняла руку, чтобы защитить свое лицо от острых осколков, которые резали ее кожу. Как и многие ножи, они жалили там, где резали кожу, оставляя на руках и ногах слабые решетки порезов. Боль была ничем по сравнению с тем, что она чувствовала, легким дискомфортом, который вряд ли стоит упоминать. Вытирая кровь с глаз, когда осколок попал ей на лоб, она посмотрела на фигуру у входа.

Существо было чуждо, бесчеловечно. Оно принадлежало к детским рассказам, а не к проклятой реальности. Хотя он не был довольно гротескным по форме, он все еще был далек от прекрасного. Само его присутствие излучало дикую природу, дикое мастерство, которое наполняло воздух вокруг него. Зверь хвастался мускулистым телом с мехом, сияющим тусклым блеском. Весы покрывали его руки, блестящие хребты, которые бежали от запястья до плеча. Его согнутая спина была полна мышц, которые выпирали под каменной кожей, демонстрируя художавую, но мускулистую фигуру, созданную для скорости и силы. Ноги были длинными и

толстыми, как у собак, и покрыты грубым мехом. Он двигался с определенной грацией и элегантностью, которые опровергали его неуклюжую внешность. С каждым движением было проявление сдержанной и зверской силы, придавая ему тихое высокомерие сильных.

Тело существа было таким же, как у охотника, быстрым и смертельным. Его ноги были сделаны для того, чтобы наброситься, с толстыми, напряженными мышцами. Мех был коротким и жирным, светло-пурпурный серый с полосками черных волос, бегущих по бокам. Широкие ноги покрывали землю, придавая зверю широкий шаг. Три блестящих черных когтя были на каждом из пальцев ног, и еще четыре изогнутых когтя было на каждой руке. Они изогнулись на кончике, как крючок, сверкающий неестественным блеском.

Возможно, самым нервным было его лицо. Оно было похоже на скучную насмешку над человеческим, его черты были дикие и гладкие. Морда была вытянута и выгнута из черепа, острые клыки легко зацепились за губы. Светлый слой серого меха очертил края его лица, спускаясь туда, где встречал чешуйки на шее. Передняя часть головы была голая, с выветренной, грубой кожей, растянутой над костью. Два глаза, один мерцающий кроваво-красный, а другой бледно-желтый, сияли от света в пещере. Двойные спиральные черные рога выросли из его лба, изогнувшись назад.

Но больше всего смущали спиральные черные узоры на лице, втатуированные в кожу.

Она знала эти узоры, Маес. Однажды девушка сказала ей, что они подразумевают, что она была благословлена богами, но теперь она знала правду. Они были доказательством магического мастерства, магического наследия. Но оно не могло обладать магией, потому что она знала, что это было, это странное слияние животных, наполненных дикой природой. Каждый ребенок знал о своем роде из рассказов, рассказываемых ночью.

Это был демон.

Ошеломленная откровением и неспособная действовать, она наблюдала, как существо наткнулось на пещеру. Присмотревшись, она увидела, что его правая рука была отвратительно покрыта оборванными чешуями, высушенная кровь окутала блестящий черный камень, который был встроен около запястья. Демон был явно ранен и истощен; он тяжело дышал от многочисленных ран, покрывающих его тело. С последним дыханием он втащил массивную тушку какого-то толстокожего животного из равнины в пещеру, прежде чем рухнуть на пол.

Теперь, преодолев свой шок, она увидела, что демон явно слаб. Теперь самое легкое время, чтобы убить его. Она должна убить его. Ей придется. Это было неестественно - монстр, который мог владеть магией и проклинать мир. Его существование было ошибкой, его жизнь была не чем иным, как трагедией. Она сделает это для его же блага.

«Не надо меня благодарить», - тихо прошептала девушка, решив.

С кинжалом в руке, она проворно прыгнула туда, где лежал демон. Зверь даже не ответил на ее присутствие, похоже, он был слишком усталым, чтобы заметить ее. В одном движении она оседлала его грудь бедрами, чтобы держать его на месте, прижимая кинжал к горлу, намереваясь убить демона одним чистым ударом. Коротким движением она полоснула по его горлу.

К ее непредвиденному удивлению лезвие едва задело кожу на шее демона, прежде чем она оказалась перевернутой вверх ногами.

<http://tl.rulate.ru/book/8591/164737>